

Несколько воспоминаний и мыслей о моем учителе И. Я. Лойфмане

С Исааком Яковлевичем Лойфманом я познакомился 51 год назад, когда поступил на философский факультет Уральского госуниверситета. Факультету шел второй год. Лойфману было 39 лет. Молодой, в сущности, человек. Невысокий, крепко сбитый, с шапкой кудрявящихся волос. Неизменные очки в простой не-объемной, плотно облегающей стекла оправе. Скромный темный костюм с неприменным галстуком. И тихий, очень неторопливый голос, будто всегда мыслящий вслух и тут же вполне менторски транслирующий свои мысли слушателям. Этот негромкий и медленный, с расстановкой и неизменными повторами последних слов фразы (раздолье для факультетских шутников-пародистов), всегда информационно насыщенный (а сама информация всегда строго структурирована, упорядочена) голос Лойфмана притягивал, гипнотизировал, заставлял внимательно слушать и тут же непременно, будто вопреки твоей воле, записывать услышанное (а записывать получалось почти дословно). Это влекло к Лойфману, но и парадоксальным образом создавало дистанцию между ним и слушателями: он был где-то наверху – слушатели, наоборот, внизу, у его «подножия»; он был Учитель, а мы – ученики. Все это объясняет, почему в свои 39–40 он казался мне и моим ровесникам значительно старше своих лет.

Лойфман вел у нас на первом курсе семинары по диалектическому материализму вслед за лекциями декана факультета М. Н. Руткевича, автора лучшего тогда учебника по диамату. Руткевич был человеком незаурядным, лектором ярким, и курс его был, как теперь говорят, авторским. А Лойфман считался верным учеником Руткевича, к тому же его роль ведущего семинаров предполагала следование тематике и позициям лектора. Но Исаак Яковлевич сразу вовлек нас в процесс *обсуждения* всех без исключения вопросов курса. Он давал нам письменные задания, своего рода эссе, предполагавшие выражение собственного мнения. Внимательнейшим образом прочитывал писания каждого и писал краткую, но очень существенную рецензию своим узким изящным почерком. Он не просто говорил нам «Вы» – в этих рецензиях мы выглядели суверенными субъектами и равноправными его собеседниками. Та же линия продолжалась и в устном общении на семинарах Лойфмана. На соседней по расписанию паре – семинаре по истории КПСС – старый коммунист-догматик Я. Л. Ниренбург изо всех сил со страстью утверждал непреложность и незыблемость главных заповедей советской идеологии и официальной версии истории партии, а Лойфман провоцировал нас на дискуссию, и мы с радостью «провоцировались», споря с ним и друг с другом обо всем на свете. Исаак Яковлевич не боялся дискуссий, так как был убежден, что подлинные знания и убеждения не боятся конкуренции и критики.

А на втором курсе занятый Руткевич передал ему лекционный курс, и тут перед нами предстал талант Лойфмана – собирателя и систематизатора знаний. Его курс был шедевром понятийной стройности и ясности, логического порядка, предметной полноты и системности. Его философским призванием было собирание и системное осмысление всех полезных знаний, открытий, гипотез и концепций науки и философии (под наукой тут, прежде всего, понимались – в традициях

---

* Лев Абрамович Закс, заведующий кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; ректор Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Энгельса и шедшего за ним Руткевича, в соответствии с собственным образованием и менталитетом Исаака Яковлевича, – науки естественные). В этом, несомненно, была своя односторонность, но и свои плюсы: философствование «на фоне» и на основе научных знаний о природе, в том числе о природных системах, избавляло от необходимости постоянного повторения общих мест «научного коммунизма» и оглядки на свежие партийные документы (что было обязательной идейно-стилевой нормой тогдашнего советского философского письма). Лойфман широко использовал данные космологии, квантовой физики, эволюционной биологии, тогда пробивавших в нашей стране себе дорогу теории информации и кибернетики. «Догадливые» переносили эти подходы к природе на общество и человека, духовную культуру и сознание. Об эффекте и признании лойфмановского курса лекций свидетельствует тот факт, что уже вскоре по факультету циркулировали и передавались «из поколения в поколение» напечатанные на машинке и размноженные лекции Исаака Яковлевича.

Авторитет Лойфмана как ученого-философа и первоклассного лектора рос с каждым днем. И это при том, что он как лектор не был ярким, красноречивым, экспрессивным, не баловал слушателей байками и пикантными примерами, не стеснялся собственной монотонности, подчиненной задаче логичности и системности «изложения», а на деле всегда дедуктивного выведения мировоззренческих констатаций и их обобщений. Этот авторитет, кстати, тоже работал на имидж Лойфмана-мудреца и потому мешал видеть то, что было: молодость Исаака Яковлевича, ведь мудрец по определению не может быть молодым человеком.

Потом, многие годы живя и работая бок о бок с Исааком Яковлевичем, я заметил, что он практически не меняется внешне. Мы выросли, старели, он оставался тем же. Только поседел. И становился все ближе многим из нас. И десяткам, сотням других, не учившихся на философском. Отправленный однажды в своего рода ссылку с факультета в Институт повышения квалификации (за то, что его дипломник по окончании университета эмигрировал в Израиль), он годами сидел на одном и том же месте в маленькой комнатке кафедры философии ИПК за маленьким же письменным столом у стены, почти в углу. Похожий чем-то на Ганди. И беседовал, консультировал, помогал идеями, источниками, редактурой рукописей, нахождением возможностей публикации и оппонентов множеству стекавшихся к нему со всего Востока огромной страны преподавателей философии, соискателей, диссертантов, многие из которых продолжали общаться с ним, учиться у него и спустя годы после учебы в ИПК и защиты своих диссертаций.

Почему мы, кто чаще, кто реже, но обязательно приходили и возвращались к Лойфману, слушали и слушались его? Он был для нас безусловным и при этом душевно близким, «теплым» и родным авторитетом. Незаурядный интеллект, высочайшая культура самоорганизации и структуризации всего окружающего мира, нас в том числе, выдающаяся эрудиция, непрерывно растущий тезаурус Исаака Яковлевича – да, разумеется. Но мы ведь, как ни странно в этом сейчас признаваться, грели душу возле строгого, сдержанного и суперскромного Лойфмана, ловили в созданной им атмосфере столь важные для любого человека и столь несчастные в жизни крупинки гармонии. Ощущения и интуиции разумного и надежного устройства скрытого за мелочами повседневности Бытия. Лойфман не был хайдеггерианцем, но его человеческий и философский опыт словно подтверждали мировоззренческую конструкцию великого немца: бытие – и наше сознание-присутствие в нем, достигаемое на основе культуры нашим духовным усилием.

Исаак Яковлевич был убежденным «диаматчиком» на прочной базе естественной науки, своего хорошего физического образования. Но с годами его духовный мир и профессиональное философствование всё больше выходили за пределы «системы категорий» диалектического материализма, одностороннего сциентист-

ского рационализма. Это видно и по работам Лойфмана, все чаще посвященным духовно-ценностным аспектам сознания и мировоззрения, древнему духовному опыту человечества – опыту мифологии, фантазии, религии, пословиц и поговорок, столь любимой им поэзии – в самом широком диапазоне от Р. М. Рильке до Кайсына Кулиева. А главное – он включил в свою картину мира, в самые сокровенные истоки своего философствования то, что догматический диамат учебников не считал существенным и важным: экзистенциальный опыт каждого человека. Исаак Яковлевич и после падения СССР и социализма не перестал быть диаматчиком – он менял сам диамат. И его профессиональная эволюция направлялась не только его открытостью изменениям в мире, опыту истории, но в неменьшей степени – логикой его большой души. Он был невероятно, неправдоподобно бескорыстен и щедр и в каждом своем поступке, каждом жесте, мысли, чувстве внимателен, заботлив, чуток к нуждавшимся в нем людям, терпим к их особенностям и слабостям. Его чувство всемирной отзывчивости и ответственности питалось его человечностью. Проще говоря, он любил людей и оценивал всё в мире, как я сейчас понимаю, с точки зрения человечности или бесчеловечности происходящего.

Я много раз испытал на себе внимание, заботу, чуткость Исаака Яковлевича, но при этом он все это мастерски маскировал, прятал за нейтральностью как бы между прочим произносимых слов-«подсказок» и ненавязчиво совершаемых добрых дел. Признанный духовный лидер, гуру, Учитель в большом сообществе философов от Урала до Дальнего Востока, он был до самого конца юношески застенчив, скромн, стыдлив – о его огорчениях, обидах, страданиях, рождаемых сюжетом его непростой жизни, мы могли только догадываться, но, признаться, с удовольствием, пользуясь мифообразом Лойфмана-небожителя, избегали и этого. Лойфман был нашим небытовым, высоким коллективным духовным достоянием. Теперь с болью и стыдом понимаешь, что много мы, его ученики, ему недодали. А его значение – значение памяти о нем, его уроков, его возвышенного и человеческого примера только возрастает. Благородной мудрости и доброты Исаака Яковлевича Лойфмана мне очень не хватает. Но зато я могу, когда захочу, включить «видео» своей памяти и оживить умный, пронзающий тебя взгляд из-под очков, в котором вдруг сверкнут лучики тонкой лойфмановской иронии, его доброго, понимающего смеха.

***

На философском факультете тогдашнего УрГУ были весьма популярны (я бы даже сказал, процветали) различные виды литературного творчества: поэтические и прозаические, серьезные и комические, написанные для лучшей в университете стенной газеты «Логос» (постоянно снимавшейся сразу после вывешивания парткомом УрГУ за идеологическую «сомнительность» многих материалов и авангардистски-дерзкий дизайн моего сокурсника Леши Колесникова, а потом его младшей сестры Наташи, впоследствии преподававшей в ГУ Н. М. Субботиной), для зачитывания в неременной «художественной части» наших факультетских конференций и торжеств. Были также «датские» произведения: к юбилеям чтимых преподавателей. Исаак Яковлевич Лойфман был излюбленным персонажем наших факультетских «литераторов». Его и «воспевали»/славили, и пародировали, посмеиваясь всегда дружески над его забавными и милыми особенностями, посредством юмора выражая свое изумление-восхищение масштабами его мыслительной, наставнической и просветительской деятельности.

Предлагаю вниманию читателей «Вестника ГУ» два моих, написанных в разные годы, «датских» приветствия И. Я. Лойфману:

Да будет долгая стезя
Идти вперед, сменяя вехи,
Да будут новые успехи,
Да будут старые друзья!

Пусть разрастается, цветет
Познания дерево густое,
Пусть философия придет
К союзу истин с красотой!

Да торжествует иногда
Поэзия над прозой грешной,
Да будет Лойфман, как всегда,
Из-под очков глядеть с усмешкой

И в категории играть,
Упрямо развивая тему,
Смеяться, плакать, понимать
И создавать свою систему!

И. Я. Лойфману

Когда не будет дураков,
И вымрут все идеалисты,
А также гносеологи
Уйдут с ответственных постов.

Когда не надо будет спорить
О разной глупой ерунде,
Тогда мы создадим себе
Систему разных категорий.

В ней диалектика природы,
Поставленная на учет,
Забыв сомненья и невзгоды,
В противоречьях расцветет.

В основе будет бытие
В единстве общих атрибутов,
В самодвиженье, кроме шуток, –
Мы так придумаем ее.

У нас возникнет мирозданье,
А если очень повезет,
То жизнь – белков существованье
И нуклеиновых кислот.

А там, минуточку терпенья,
Коль мы на правильной стезе,
Прогресс зачатков отраженья
Нас выведет на шимпанзе.

А шимпанзе, найдя забаву
Подмигивать своим друзьям,
В субъекта вырастет по праву
(Здесь Плотников поможет нам).

Затем мы практику введем,
Основу наших диалектик,
И назовем ее трудом
(В онтологическом аспекте).

И эта практика потом,
Преобразуя мирозданье,
Субъекту даст жену и дом,
И, разумеется, познание.

Хотя на этом этаже
Связь с практикою безусловна,
Познание – этаж духовный,
Оно не практика уже.

Другой здесь понятийный ряд,
Совсем других абстракций пары
(Про нас не даром говорят,
Что мы свой хлеб едим не даром.)

Здесь всё взаимопереход,
Анализ, синтез, восхождение,
И историзм – давно оплот
Для высшей формы отраженья.

Здесь царство для проблем и фактов,
Гипотез и гипотенуз,
Давно здесь заключен де факто
С естествознанием союз.

Для всех и даже для меня
Инварианты атомизма
Давно здесь близкая родня
По принципу детерминизма.

А от живого созерцанья
Взойдя к абстракциям наверх,
Увидим истины сиянье
Конкретней и прекрасней всех.

Она изменчива, конечно,
Но неподвластна суете
И приближается успешно
К системности и полноте.

И, значит, Жучка – есть собака,
И, значит, человек – Иван,
И нет значения без знака,
И вся религия – обман.

И, значит, переплыли море,
Открыли твердое плато.
Такой системы категорий
До нас не создавал никто!

Такое сделав, отдыхать
Не стыдно будет, и логично
Кайсына с Рильке почитать
И «Studia filosofizne».

11–12 декабря 1977 г.